Константин Михайлович ДОЛГОВ:

О моих встречах с легендами XX века

- Константин Михайлович, вы встречались со многими выдающимися людьми планеты. Эти впечатления делают вас поистине богатым человеком!

- Я тоже так считаю. Мне несказанно повезло общаться с интереснейшими личностями своего времени: президентами, премьер-министрами, писателями, композиторами, деятелями науки...

Еще учась в Московском университете, я слушал курсы лекций Ландау, Лившица, Нильса Бора, Гейзенберга, Норберта Винера и других выдающихся ученых. Позднее встречался с такими деятелями мировой культуры, как Луи Арагон, Жоржи Амаду, Генрих Бёлль, Янис Рицос, можно перечислять долго. Был знаком с Улановой, Лемешевым, Шостаковичем, Хачатуряном, Свиридовым, Твардовским, Фединым, Айтматовым, Шолоховым, Граниным, Симоновым, Товстоноговым. Общался с лауреатом Нобелевской премии химиком Семёновым, знаменитым математиком академиком Петровским и многими другими.

- Вы человек ученый, творческий, но занимали и чиновничьи должности. Сложно было жить «по звонку», выполнять то, что приказывают?

- Непросто переключаться с одной работы на другую. Причем молниеносно. Вот как это бывало. 1975 год. Работаю директором издательства «Искусство». Вдруг меня приглашает ульяновец Суслов, который тогда фактически возглавлял страну, так как Брежнев был давно

Визитка

Родился 14 июля 1931 г. в с. Большие Посёлки Карсунского района Ульяновской области. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1959 г.), аспирантуру Института философии АН СССР (1963 г.). Трудовой путь начал в 1944 г. - заводским слесарем, электриком. Преподавал в Харьковском автодорожном институте, Институте общественных наук при ЦК КПСС. Был консультантом журнала «Коммунист», директором издательства «Искусство», заведовал сектором Отдела культуры ЦК КПСС. С 1982-го по 1986-й - председатель правления Всесоюзного агентства по авторским правам. Затем работал в Институте философии АН СССР. С 1995 г. - зав. кафедрой философии, истории и культуры Дипломатической академии МИДа России.

Доктор философских наук.

Заслуженный деятель науки РФ. Удостоен орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, ордена Дружбы.

В Ульяновской области прожил 6 лет. В Москве - с 1954 г.

Член Ульяновского землячества с 2000 г.

1984 год. Председатель Всесоюзного агентства по авторским правам К. Долгов (второй справа) на заседании в ООН.

болен, и предлагает работать в ЦК КПСС. Я ответил, что мне интереснее что-то связанное с наукой. Михаил Андреевич явно обиделся и говорит: «Вы знаете, еще никто никогда не отказывался работать в ЦК КПСС. Но я посоветуюсь с товарищами, и мы сообщим вам о нашем решении».

Прихожу на другой день в издательство, ко мне вбегает секретарь, взволнованная такая: «Там какой-то полковник с пакетом!». Это был фельдъегерь. Вскрыл при нем пакет, прочитал: «Долгов с сегодняшнего дня назначен заведующим сектором Отдела культуры ЦК КПСС»… А у меня такие планы были! Ведь мы издавали по 400 книг в год! Причем каких! И вот издательство позади, на следующий день приступаю к новой работе. Так случалось не раз.

- В ЦК КПСС вам встретились достойные персоны?

- Одним из самых умных и образованных людей в Политбюро был Андрей Андреевич Громыко. Он занимал пост министра иностранных дел почти тридцать лет.

Как только меня назначили руководителем Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), которое подчинялось нескольким отделам ЦК КПСС и Министерству иностранных дел, Громыко меня пригласил на беседу: «А я вас давно знаю, читал все ваши работы». Я даже растерялся. «Не верите? - говорит Андрей Андреевич. - А я скажу, почему начал их читать. После вашей работы о Макиавелли завели на вас персональное дело как на антисоветчика, потоком шли письма в ЦК КПСС. И на одном из заседаний Политбюро Брежнев говорит: «Поступает много жалоб на работу Долгова о Макиавелли. Давайте разберемся и примем решение. Кому это поручим?». Все молчат. «Громыко, вот тебе мы поручаем, прочитай и доложи». Я прочитал. На следующем Политбюро Брежнев вспомнил о поручении: «Ну, так что, читал? Какое

мнение?». Говорю: «По-моему, никакого там антисоветизма и антимарксизма нет, отличная работа о Макиавелли». Брежнев спрашивает: «Кто еще читал?». Опять все молчат. «Тогда снимаем этот вопрос. А кто такой этот Долгов, где работает?» - «У нас, в ЦК КПСС». Брежнев удивился, но промолчал…

Вот что мне рассказал Громыко. Я ему говорю: «Так вы меня спасли от разгрома?». «Вроде, так. После этого я начал читать все ваши работы. Вы, наверно, не верите, а я могу их назвать и даже кое-что процитировать».

У нас сложились хорошие отношения. Однажды Андрей Андреевич пригласил меня к себе, и мы стали обсуждать вопросы европейской политики и дипломатии. Я ему заметил, что не могу достать некоторые серьезные книги, особенно по Италии. В конце беседы Громыко говорит: «Мне предстоит поездка в Европу, в том числе в Италию, дайте список литературы, которая вам необходима». Я спросил: «А сколько книг можно заказать?» - «Сколько нужно, столько и пишите - двадцать, тридцать или сорок». Я написал список примерно из тридцати-сорока названий.

И что вы думаете? Все книги были мне доставлены. Вот какой это был человек! Я благодарен судьбе, что общался с Андреем Андреевичем и откровенно беседовал на самые разные темы.

- Чем в ваше время занималось ВААП?

- ВААП продвигало советские произведения литературы и искусства, достижения науки за рубеж. Агентство было в пять-шесть раз больше Министерства культуры СССР. Мы имели представи-

1984 год. Париж. Советское посольство. Встреча с членами Гонкуровской академии (К. Долгов - второй справа за столом).

тельства во многих странах - заключали контракты с зарубежными авторско-правовыми организациями, договоры на издание и переиздание произведений, на исполнение музыки, постановку спектаклей... И получали от наших партнеров огромные деньги в валюте. Одновременно следили за тем, чтобы не появлялась контрафактная продукция: нарушение авторских прав в то время было исключением.

- На любых постах вы часто бывали за границей. Какая поездка запомнилась особо?

- В 80-е мы поехали во Францию, где в то время послом был Юлий Воронцов. Он спросил меня, кого пригласить на встречу в посольство. Отвечаю: «Гонкуровскую академию». Пригласили. Сначала мы посмотрели фильм «Белое солнце пустыни», все члены академии были в восторге от этой картины! А потом перешли к обсуждению вопросов культуры и просидели до утра. Под конец предложили «гонкуровцам» приехать в Советский Союз. А у нас в то время сложились натянутые отношения с Францией, и их отговаривали, мол, за вами слежка будет, вам не дадут никакой прессы, не пустят никуда...

Но когда они приехали, мы предоставили им полную свободу выступлений в средствах массовой информации. Они давали интервью, писали статьи, им устраивали любые поездки. Около 30 членов Гонкуровской академии - цвет Франции! - по возвращении домой начали очень хорошо отзываться о Советском Союзе, отношения между нашими странами стали налаживаться. Убежден: именно такие встречи с деятелями науки, культуры помогают сближению народов.

Хорошо помню одну из поездок в Грецию. Прихожу в конференц-зал, чтобы выступить с докладом, и вдруг ко мне бросается бородатый мужчина: «Константин, Константин! Ты что, меня не узнаешь? А помнишь, как в Москве мы сидели всю ночь втроем - ты, я и Луи Арагон? Вино пили, стихи читали». Это был Янис Рицос, выдающийся греческий поэт. Разве мог я забыть его и ту московскую ночь?!

Участников конференции повели знакомиться с Парфеноном. А я много раз бывал в Афинах, всерьез изучал греческую культуру и предложил экскурсоводу: «Можно я вас заменю?». На следующий день Рицос примчался с газетой, в ней было подробное изложение не только моего доклада на конференции, но и все то, что я говорил о Парфеноне. Янис мною гордился: «Что о тебе пишут! Удивительно, как хорошо ты знаешь нашу культуру»…

Много было незабываемого. Я написал книгу о кинорежиссерах Феллини, Бергмане, других деятелях культуры. Встречи с ними для меня - величайшие события и настоящие открытия! Такие люди несут в себе интеллектуальный потенциал своего народа.

- Что поражало вас в великих людях?

- Да многое поражало… О ком рассказать? Вот, например, Константин Симонов. Вы знаете, что при Сталине он получил шесть Сталинских премий, возглавлял «Литературную газету», журнал «Новый мир», был секретарем Союза писателей СССР. А после XX съезда остался как бы не у дел, руководил Центральным Домом литераторов. И все. Помню, на банкет в честь его 60-летия пришло много военных - он ведь писал в основном о

Творческие люди всегда и везде найдут общий язык.

войне, сам был на передовой. Выступает генерал Епишев, начальник политуправления армии и флота. Начал его хвалить. Симонов понуро выслушал, а потом и спрашивает: «Хочу задать вам один вопрос: почему военное издательство не издало ни одной моей книги, а вы говорите, что я один из лучших военных писателей?». Гости не нашлись что ответить на смелый вопрос фронтовика Симонова...

В последние годы жизни Константин Михайлович довольно часто мне звонил (звал меня «тезкой», хотя по паспорту он Кирилл) и заходил к нам в Центральный Комитет партии.

Однажды я заметил: «Что-то неважно выглядите…». Ему тогда было 60 с небольшим. «Я, - говорит, - болен, задыхаюсь. Лечусь коньяком - по 30 граммов утром, в обед и вечером. Чувствую, что мне мало осталось жить на этом свете. Много написал, особенно о войне, но не написал главного, что должен был, - о себе и о людях нашей эпохи: что мы пережили, что сделали и чего не сделали…». Подробно не стал пояснять, но, видимо, речь шла о каком-то эпохальном сочинении. Это была последняя наша встреча. Вскоре его положили в Кремлевскую больницу, и из нее он уже не вышел…

Мы как раз писали некролог, когда в ЦК пришла его жена. Сообщила, что есть завещание - Симонов просил перенести его прах туда, где он воевал, в Белоруссию. А у нас на руках решение ЦК КПСС - похоронить Константина Михайловича Симонова как выдающегося деятеля на Новодевичьем кладбище. Что делать? Мы сказали вдове: «Считайте, что мы с вами не встречались и ничего не знаем, поступайте, как вам велит сердце и долг перед мужем». Гражданская панихида состоя-

На 60-летии Константина Симонова (первый слева - К. Долгов).

лась в Донском монастыре. Потом жена, согласно завещанию Симонова, развеяла прах на месте сражений, поставила там памятник.

Подобный разговор случился у меня и с Юрием Трифоновым. Наши писатели приехали на встречу с рабочими завода им. Лихачева. Трифонов отвел меня в сторону и стал жаловаться, что переживает кризис. «А в чем дело-то? - спрашиваю. - Вас признали, считают одним из лучших писателей, уже не критикуют, а наоборот - хвалят».

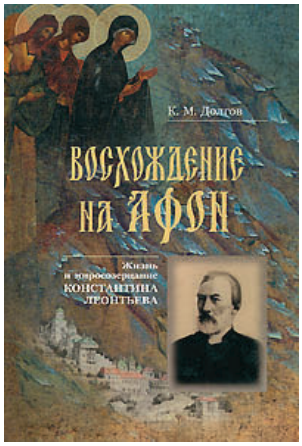
Отвечает: «Вам, как на духу, хочу сказать: мне мало осталось жить (а он здоровый на вид, рослый, крепкий), а я не написал самого главного, самого основного и чувствую, что уже никогда не напишу - это меня угнетает…».

Почти слово в слово, что сказал мне Симонов перед смертью. Я был потрясен! И Юрий Валентинович действительно вскоре умер.

- Получилось, что вы стали своего рода исповедником у обоих писателей?

- Не знаю. Но это было. Незадолго до кончины Леонида Леонова беседовал и с ним - часа три у него на квартире, ему тогда было лет 90. К сожалению, я не фиксировал нашу беседу, только дома кое-что записал для памяти. Я спросил Леонида Максимовича: «Как вам удалось прожить такую долгую жизнь более-менее нормально: вы писали очень откровенные романы, и при этом вас не арестовывали, никуда не ссылали?».

Отвечает: «Очень просто. Я живу почти всегда на даче, у меня там огромный розарий, утром и вечером я поливаю розы, ухаживаю за ними, дышу этим сверхцелебным ароматом. Роза - цветок чистый, как младенец, который все воспринимает как истину и добро, и это же тебе возвращает. Я с розами беседую на протяжении многих лет. Когда случались какие-то нервотрепки, уходил к ним, и все снимало, как будто и не было. А еще я всегда старался, смолоду и до старости, более или менее объективно выражать то, что чувствовал и наблюдал в обществе».

Культуролог, философ, писатель, журналист, автор многочисленных книг и научных трудов.

Мы заговорили о перестройке, и Леонов сказал, что она провалится, поскольку Горбачёв и его ближайшее окружение - люди случайные, ограниченные и малокультурные, в политике мало что смыслят, они разрушители, а не созидатели. Но, говорит, я знаю такое слово, которое может вывести нашу страну из беды: «Знаю, однако сейчас не могу сказать…». К сожалению, мы больше не встретились, через некоторое время он умер, а я так и не узнал, какое слово было спасительным для России.

- Как случилась ваша аудиенция с Папой Римским?

- В ее реальность сам до сих пор поверить не могу!.. В Риме проходил конгресс, посвященный авторскому праву. Подходит ко мне какой-то кардинал и говорит: «Вы хотели бы встретиться с Папой Иоанном Павлом II?» - «А что, это возможно?». - «Считайте, что вы уже приглашены». Мне полагалось позвонить в ЦК КПСС и спросить разрешения. Но я не стал этого делать, потому что знал - не разрешат, а такой возможности, пожалуй, в жизни больше не представится.

Это была удивительная встреча! Беседовали о многом. В самом начале Папа сказал мне: «Вы, видимо, знаете, что я ваш противник, я - враг коммунизма и социализма, но вы, пожалуй, не знаете, что я такой же противник и капитализма».

Отвечаю: «Я читал ваши энциклики, например «Laborem exercens», где вы критикуете только «суровый» капитализм». Возражает: «Да, в этой энциклике - только «суровый» капитализм, а в других работах - весь капитализм. Потому что ни социализм, ни коммунизм, ни капитализм не соответствуют внутренней духовной структуре человека».

Спрашиваю: «А что вы предлагаете?». Он говорит: «Нам всем надо думать о справедливом устройстве общества, ибо эти все формации не годятся, поскольку они не делают человека свободным. Думаю, должно быть какое-то ассоциативное общество производителей. Мне говорят об элите. Но это не элита, это чернь. Настоящей элитой я считаю трудящихся, рабочих и крестьян, тех, кто живет своим трудом...».

Это был, безусловно, человек высочайшей культуры и поразительного ума! Беседу мог вести на разных языках: польском, французском, итальянском, немец-

ком, английском… Сказал, что знает мои работы. А я ему - что читал его работы, начиная с драматургических произведений, которые он писал еще в молодости… Незабываемая встреча!

Прилетаю в Москву, меня тут же вызывают в ЦК: «Кто дал вам право встречаться с Папой Римским?». Говорю: «Во-первых, Папа меня сам пригласил - все политические деятели, начиная с президента США и кончая нашими руководителями, добиваются аудиенции у Папы Римского. Как я мог отказаться? Во-вторых, считаю эту встречу весьма полезной». И передал наш разговор с Иоанном Павлом II, а позже даже написал об этом статью. Обошлось.

- За что же вас исключили из партии?

- Весьма любопытная и поучительная история. Я тогда возглавлял ВААП. Мы подготовили серьезный закон (в 1984-1985 гг.) о прогрессивном подоходном налоге - чем выше доходы, тем выше налог. Такой закон действует во всех странах, кроме России, у нас его до сих пор не приняли.

В необходимости подготовки меня поддерживали руководители - Андропов, потом Черненко: «Да-да, выносите на Политбюро, будем такой закон принимать». Черненко, правда, предупреждал, чтобы никто больше не знал о подготовке проекта: «Иначе, - говорит, - вам не сносить головы. Вы не представляете, что такое введение прогрессивного подоходного налога! Сколько людей сверхбогатых будет против!». Но Черненко умер…

Горбачёв пришел к власти, с ним беседую. Он тоже поддержал сначала: «Давайте-давайте, оставьте проект, я почитаю». Через некоторое время я позвонил ему и слышу: «Закон замечательный, представляйте на Политбюро, будем принимать». Закон действительно хороший получился, поскольку обобщили законы разных стран и взяли самое лучшее. Вскоре меня пригласили на заседание Политбюро. Идет обсуждение разных вопросов. Наконец, дошли до этого закона, и вдруг Горбачёв говорит: «Вот Долгов представил закон о прогрессивном подоходном налоге, я его трое суток читал, ну такой муторный проект…».

Встаю и говорю: «Михаил Сергеевич, я вам звонил вчера, и вы сказали, что закон прекрасный». Он покраснел и продолжает: «Ну, так что, товарищи, может, отложим?». Все молчат. Я опять встаю: «Нельзя откладывать - это слишком серьезный закон, от него зависит установление более или менее справедливых отношений в нашем обществе и государстве». Горбачёв нахмурился, повторяет: «Может, все-таки отложим?». Молчание. Я настаиваю:

Советские лидеры плотно курировали вопросы творчества (К.У. Черненко с супругой посетили ВААП).

На конференции «Перезагрузка отношений США и России».

«Это оптимальный вариант закона о прогрессивном подоходном налоге, он всех устроит, даже тех, кому придется платить. За рубежом, когда большие доходы, платят до 85 процентов, а мы сделали шкалу гораздо ниже. Государство будет получать значительные суммы, которые пойдут на социальные нужды». Горбачёв, не глядя ни на кого, произнес: «Ну, значит, откладываем». И все. Это было первое столкновение с ним.

Затем меня вызвал как-то Александр Николаевич Яковлев - правая рука Горбачёва - для серьезного разговора. «Вы сейчас занимаете пост на уровне министра, а мы хотим взять вас обратно в ЦК и поручить всю идеологию и культуру. Как вы на это смотрите?». Отвечаю: «Не согласен. У меня на все проблемы есть свое мнение, и я в качестве исполнителя не очень хорош. Тем более вижу, что сейчас делается. Под реформы, которые затеяли, у вас нет оснований, ничего не продумано, не исследовано, это кончится катастрофой. Если нет серьезных программ, основы, то это называется политическим авантюризмом».

Яковлев тут же снимает трубку прямого телефона Горбачёва и как-то недовольно, злобно бубнит: «Михаил Сергеевич, вот я по вашему поручению беседую с Долговым, он отказывается, более того, он нас с вами называет авантюристами». В ответ слышу (связь-то громкая): «Скажи, ему же хуже будет».

Говорю Яковлеву: «Вы же меня пригласили на откровенный разговор, и я сказал то, чего многие не скажут. Горбачёв решил провести перестройку за один год. При-

чем как провести: освободить на местах всех первых секретарей, сменить аппарат ЦК - и перестройка готова. Но это не перестройка, а перестановка фигур».

После этого я стал persona non grata и для Горбачёва, и для Яковлева, и для всех «прорабов перестройки».

- Исключая из партии, вас сняли и с работы в ВААП. За какие грехи?

- До того разговора ВААП полгода проверяла комиссия партконтроля - ни сучка, ни задоринки. Проверили вплоть до уплаты мною членских взносов. Я преподавал, писал статьи, выступал на телевидении, получал за это большие гонорары и всегда отправлял их в различные фонды: в Детский фонд, Фонд мира и другие. Себе оставлял гонорары только за научные труды. Показал все платежки, квитанции на огромные суммы. Члены комиссии были потрясены: «Первый раз встречаемся с таким честным человеком».

После Политбюро, о котором я рассказал, пришла еще одна проверка, опять проверяли полгода - и опять ничего не нашли. Тогда меня вызывает председатель Комитета партийного контроля Соломенцев и говорит: «Я вас поздравляю, такая серьезная проверка, и никаких претензий. Но все равно дана команда: снять вас с работы и исключить из партии». Я ему: «Как же так? Кто дал такую команду? Горбачёв?». Соломенцев молчит. «Что же вы идете на поводу у этой мафии? Сейчас они расправятся со мной, потом выбросят и вас». Он только руками развел.

Потом меня вызвали в райком партии, где учинили разнос и потребовали сдать партбилет. Я не отдал: «Исключайте, а партбилет оставлю на память».

С работы тоже сняли, конечно. Долго решали, куда меня определить. Сначала хотели направить директором Института философии, потом директором Института мировой литературы, потом - замом директора… И, в конце концов, направили в Институт философии… исполняющим обязанности научного сотрудника.

- И вы пошли? С вашим-то именем?

- А куда деваться? Нет, предложения, конечно, были. Меня приглашали на работу Япония, Германия, США, Франция, Великобритания, Италия: «Приезжайте, мы вам создадим идеальные условия». Отказался. Я считал, что надо работать в своей стране.

Когда пришел в Институт философии, там коллеги-ученые обрадовались. Друзья, академики, все до единого, меня поддержали в этот сложный период времени.

А потом меня пригласил ректор Дипломатической академии МИД РФ, чрезвычайный и полномочный посол Сергей Калистратович Романовский. В свое время он, как и я, оказался без работы: представляете, целый год ходил без работы посол, и какой посол! Тогда я ему помог, взял на должность заместителя председателя ВААП. И вот он меня пригласил руководить кафедрой философии, которую я возглавлял 15 лет.

Но пришла пора уходить с административной работы, чтобы было время заниматься наукой. К тому же мне так много еще надо написать…

- А с Горбачёвым вы потом встречались?

- И не раз. В 2009 году на конференции в «Президент-отеле» встретились. Он подошел, спросил, как у меня дела, мол, надо бы пообщаться... Потом началась конференция, в конце которой я выступал с докладом. Начал с вопросов: «Почему про-

Культурный обмен с министром культуры Александром Авдеевым.

валилась перестройка Горбачёва? Почему провалились псевдореформы Ельцина? Почему проваливаются нынешние реформы?». Когда закончил, мне устроили овацию, а Горбачёва и след простыл.

- Говорят, меньше знаешь - крепче спишь. Как спится вам?

- Сплю очень хорошо. После того, как меня сняли с работы и исключили из партии, жена встретила на пороге так: «Я все знаю, по радио уже объявили. Считаю, что тебя давно надо было снять, мы тебя не видели никогда - с утра до ночи на работе, а теперь будешь всегда с нами». Я в ответ: «Приготовь мои спортивные доспехи, отныне я каждое утро занимаюсь спортом». И каждое утро - пробежка 4-5 км, гимнастика, душ и никаких лекарств.

- Вы по сей день продолжаете писать то, что думаете?

- Конечно. У меня на все своя точка зрения. Написал несколько критических статей о реформе образования. Еще с министром Филипповым в 90-е годы спорил о том, что реформа разрушит нашу образовательную систему, которая была лучшей в мире. Он не понял, ответил, что будет демографическая яма, мало станет детей в школах, и мы в это время осуществим реформу. Но как можно использовать одно национальное бедствие, навлекая иное, не менее серьезное?

Я посетил тогда сельские школы Ульяновской области - две десятилетки в Больших Посёлках Карсунского района. Одну из них закрыли. Учителям полтора года не платили зарплату, а они мне говорят: «Мы работаем бесплатно, потому что не хотим, чтобы наши дети остались без образования». Причем на всю школу - одна печатная машинка, да и та сломанная… И таких школ по стране десятки тысяч! Когда я зашел к губернатору Шаманову и рассказал ему об этом, он не поверил. Я написал статью, опубликовал ее в газете, а затем отправил газету Шаманову. Тогда он дал команду: все школы Карсунского района компьютеризировать.

Позже я с ним встречался, благодарил. И меня, когда в следующий раз приехал в Большие Посёлки, благодарили учителя, а министра Филиппова сняли. Только проблему это не решило, все в образовании катится по наклонной.

- Для меня всегда было загадкой, как становятся философами… Ведь не мечтали же вы об этом с детства? Тогда мальчишки стремились стать летчиками или моряками.

- На Военно-морском флоте я служил пять с половиной лет. Призвали меня в 1948-м и направили в Ленинград, в особый отряд подводного плавания и противолодочной обороны, а потом - на действую-

щий флот. В это время война называлась уже «холодной», а у нас была «горячая». На море - постоянные стычки, мы буквально воевали на Балтике: проводили боевые операции, уничтожали разного рода диверсантов, задерживали катера нарушителей. Флот закалил меня на всю жизнь. Те годы дали многое именно в смысле формирования характера, сознания, самосознания, даже философствования какого-то. И днем, и ночью вокруг - только море и небо. Думаю, именно море настроило меня на философский лад.

- Вы бываете на малой родине?

- Сейчас все реже, чаще - в чужих странах. В Больших Посёлках остались только дети моей крестной матери. Родители были простыми, глубоко верующими людьми. По матери я - Романов, по отцу - Долгов. Первые поселенцы в поселке - стрельцы, при Петре I бежавшие по Волге от грозившей им казни. Народ служивый.

Мы, Долговы, в отца - высокие, и сыновья у меня двухметровые. Мы всегда верой и правдой служили своему народу и государству. Это не громкие слова, а реальность. В годы Великой Отечественной войны со стороны отца и матери только из нашего села погибли около ста человек. Их имена высечены на обелиске в Больших Посёлках (обелиск возведен на месте взорванной в 30-е годы церкви). А у Бранденбургских ворот в Берлине есть большая могила, в которой покоится Герой Советского Союза Долгов.

- Там - чужая земля, а что для вас означают понятия «родная земля», «землячество»?

- То, что ты ешь, и то, что созерцаешь, чем дышишь, чем наслаждаешься - все-все это тебе дает земля. Земля - это нечто

Блестящий оратор и педагог.

одушевленное, близкое, она - как мать, а мать всегда любит, прощает и приемлет свое дитя. И поэтому человек, от рождения до самого своего конца, должен помнить о родине, где бы он ни был, куда бы его ни забросила судьба. Родина - глубочайшее, самое возвышенное и светлое, что есть и может быть.

Встречи с родной землей, с земляками - всегда великий праздник для людей, у которых очень много общего потому, что они вышли из одного лона Матери-Земли и в нее же вернутся, если посчастливится. А если смерть настигнет их в других землях, то все равно встретятся с ее ликом - Священной Матери. На том свете есть одно «землячество» - землячество бессмертных душ, обитающих в вечном Царстве Любви, Добра, Истины и Красоты!